

А.И. Алиева*

«МЯГКАЯ СИЛА» В СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Концепция «мягкой силы» Дж. Найа нашла применение во внешне-политической стратегии современной Турецкой Республики. В статье предпринята попытка проанализировать концептуальную основу турецкой «мягкой силы». В первой части работы автор изучает предпосылки обращения турецких властей к «тонким» внешнеполитическим методам в контексте внутренних и внешних перемен, произошедших в новом тысячелетии, и характеризует главные составляющие потенциала Турции в области проецирования своей «мягкой силы». Во второй части статьи представлен обзор наиболее эффективных инструментов «мягкого» влияния турецкого государства и основных направлений их применения. Автор приходит к выводу, что правящая Партия справедливости и развития сумела оптимально совместить как старые, так и новые рычаги воздействия на других участников международных отношений. Сочетание военного, политического, экономического и культурного потенциала с «мягкими» инструментами дало современной Турции возможность претендовать на роль влиятельного регионального и глобального актора.

Ключевые слова: «мягкая сила», Турция, Партия справедливости и развития, внешняя политика Турции, лидерство, внешнеполитическая идеология, восходящая держава, «ноль проблем с соседями», «стратегическая глубина».

В 1990 г. американский политолог Дж. Най ввел в оборот термин «мягкая сила» [Nye, 1990]. С тех пор ученые и политики разных стран пытаются дать свою трактовку данной концепции или предложить формулу применения инструментария «мягкой силы». Современная Турция не является исключением. Впервые она попала в рейтинг авторитетного британского журнала «Monocle», ко-

---

* Алиева Алтунай Илгар кызы — аспирант кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: alieva_altunay@mail.ru).

** Статья выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2427.2014.6).

торый составил список 20 государств, обладающих «мягкой силой», относительно недавно — в 2012 г.¹, заняв в нем последнее место. Однако сам факт включения в столь престижный международный рейтинг подтверждал четко обозначившиеся в последние годы претензии страны на роль влиятельного участника современной мировой политики.

Проблемы использования Турцией инструментов «мягкого» воздействия в последние годы привлекают все больше внимания зарубежных политологов и международных. В отечественной литературе этому сюжету посвящены лишь отдельные работы. Большую ценность представляют публикации российских исследователей [Аватков, Бадранов, 2013; Аватков, Чулковская, 2013], в которых затронута проблема воздействия инструментов «мягкой силы» Турции на процесс принятия внешнеполитических решений других стран, в частности России. Существенный вклад в изучение турецкой «мягкой силы» внес Н.З. Мосаки [Мосаки, 2013], проанализировавший динамику развития и опыт турецких образовательных учреждений в Африке и их роль в формировании имиджа Турции среди государств континента. Одной из недавних работ по внешней политике нынешнего турецкого правительства стала публикация Е.А. Сафонкиной [Сафонкина, 2014], посвященная основополагающим элементам «мягкого» воздействия Турции на современном этапе.

Однако до сих пор актуальной остается проблема концептуализации турецкой «мягкой силы»: анализ лишь отдельных ее аспектов не раскрывает национальной специфики и не создает полной картины внешнеполитической деятельности государства в целом. В настоящей статье предпринята попытка ответить на вопрос о том, какие факторы способствовали формированию потенциала Турции в области проецирования «мягкой силы», охарактеризовать ее основные компоненты, а также определить направления применения инструментов «мягкого» воздействия во внешнеполитических целях страны.

* * *

В академической среде Турции и западных стран существуют разные точки зрения относительно причин и условий формирования турецкого потенциала «мягкой силы». Большинство исследователей придерживаются той точки зрения, что решающую роль сыграли внутренние факторы, а именно трансформационные процессы, начавшиеся с реформами Партии справедливости и разви-

---

¹ Monocle. Soft Power Survey — 2012. Available at: <http://www.monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2012> (accessed: 25.08.2014).

тия (ПСР) [Цавуш, 2012; Oğuzlu, 2007; Altınay, 2008; Kalın, 2011; Öner, 2013]. В то же время ряд экспертов полагают, что Турция сумела накопить и реализовать свою «мягкую силу» благодаря внешним факторам, проявившимся еще в постбиполярный период. Например, М. Муфти (Университет Тафтса, США) считает, что после «холодной войны» Анкара начала отдавать все большее предпочтение инструментам «мягкой силы», в первую очередь на экономическом и торговом направлениях [Mufti, 2011: 3]. Его мнение основано на докладе экспертов Международной кризисной группы [см.: Turkey and the Middle East: Ambitions and Constraints, 2010], посвященном предпосылкам региональной активизации Анкары на Ближнем Востоке, в новом для нее геополитическом пространстве. С точки зрения М. Муфти, для Турции в 1990-е годы стало характерно именно «мягкое» внедрение в такие регионы, как Балканы, Ближний Восток, Южный Кавказ и Центральная Азия. При этом отказа от вестернизации не последовало. Ученый утверждает, что подобная линия поведения позволила Турции претендовать на роль регионального гегемона и расширить свою сферу влияния еще до прихода в 2002 г. к власти ПСР.

Существует и третья точка зрения. Например, специалист из Технологического института Джорджии (США) Л. Рабин обращает внимание на то, что сегодня Турция является страной с неотрадиционной «мягкой силой». По его мнению, она стала набирать политический вес за счет отказа от проецирования «жесткой силы» и благодаря значительным изменениям в развитии информационных технологий, транспорта и торговли. Свой потенциал «мягкого» воздействия Анкара стала демонстрировать после того, как на Ближнем Востоке ослабло влияние Египта, Саудовской Аравии и Ирана (традиционных игроков, некогда обладавших «мягкой силой»). Популярность Турции среди мусульманских народов и ее политический престиж особенно укрепились вследствие ее политики «ноль проблем с соседями» [Rubin, 2010].

Несмотря на разницу в оценках причин усиления турецкого потенциала «мягкой силы», исследователи сходятся во мнении относительно времени начала использования Турцией своих «мягких» инструментов влияния — после периода биполярности. Однако произошло это не сразу. На протяжении всей «холодной войны» страна занимала преимущественно «жесткую» внешнеполитическую позицию: она защищала границу «свободного» мира от влияния СССР. Приоритетным направлением ее внешней политики было укрепление связей с западными, капиталистическими странами и институтами. Распад Советского Союза и крах биполярного мирового порядка стали поворотным моментом в истории Турции: после «холодной войны» начала снижаться военно-политическая

и стратегическая значимость страны для Запада. В то же время сложившаяся международная ситуация открыла перед ней большие возможности по налаживанию отношений с новыми региональными акторами.

Поначалу, не прерывая процесса вестернизации, Анкара продолжила выполнять функцию проводника геополитических и экономических интересов западных демократий на новом геополитическом пространстве. Однако вследствие экономического кризиса 2000–2001 гг., внутривластной нестабильности, региональной неустойчивости и усиления глобальных угроз у турецких властей появились сомнения и чувство неопределенности относительно дальнейших действий страны на международной арене [Larrabee, Lesser, 2003: 1]. На протяжении последнего десятилетия XX в. Анкара была вынуждена вести борьбу с курдскими боевыми группировками, искать способы обеспечения своей энергетической безопасности. Все эти факторы не могли не сказаться на процессе принятия внешнеполитических решений. Естественно, приоритетными стали национальные интересы, требовавшие обеспечения жизнеспособности и стабильности государства.

Трудности в отношениях с региональным окружением препятствовали формированию благоприятного образа Турции. Находясь более полувека в сфере влияния западных демократий, страна не приобрела прочных связей с соседними государствами, а многим отдаленным регионам и народам и вовсе была малознакома. Общее культурно-языковое прошлое не сделало Турцию полноценным лидером тюркских народов. В регионе Ближнего Востока у нее были ограниченные возможности для расширения своего влияния: курдский фактор и негативное взаимовосприятие стали основными предпосылками для складывания психологического барьера [Davutoğlu, 2008: 81]. Кемалистская идеология требовала отказа от обращения к религии в политике; турецкое государство оставалось светским и, соответственно, обладало ограниченным влиянием в мусульманском мире. Существенную роль в этом сыграло военно-стратегическое союзничество Анкары и Тель-Авива, оформившееся в 1990-х годах. Активность Турции на Балканах в этот период также вела к складыванию у народов региона настороженного, а порой и откровенно враждебного отношения к стране [Карагюль, 2013].

Таким образом, накануне нового тысячелетия перед турецкими политиками стояли довольно непростые задачи, решить которые должны были лидеры ПСР, пришедшей к власти в 2002 г. В годы правления этой партии турецкое общество вступило в период относительно стабильного развития. Этому способствовал ряд факторов.

Во-первых, с 1999 г. целых пять лет Турция не вела вооруженной борьбы с сепаратистскими группировками Рабочей партии Курдистана на юго-востоке страны, что позволило ей на время сосредоточиться на внутренних преобразованиях.

Во-вторых, установлению политической стабильности способствовал сам характер ПСР. Несмотря на свое «исламское прошлое»², ее лидеры позиционировали себя как представителей умеренно-консервативной политической силы, тем самым на первых порах они не давали своим оппонентам повода обвинить их в отступлении от идеологии кемализма. В то же время ПСР начала вытеснять с политической сцены своих главных противников — военных и высший генералитет, гарантов сохранения кемалистских принципов государственности. Укрепление позиций ПСР привело к тому, что уже к концу первого срока она стала наиболее влиятельной и единственной правящей силой в Турции. Это и обеспечило политическую стабильность, которой не хватало в 1990-х годах³.

В-третьих, в первой половине 2000-х годов в стране начались реформы. Поскольку уже в 1999 г. Турция приобрела статус страны — кандидата на вступление в ЕС, лидеры ПСР объявили главной задачей своей внешней политики вхождение в Европейский союз. Однако для достижения успеха на международной арене требовалось укрепить свою легитимность внутри турецкого общества и политического истеблишмента. С этой целью были проведены широкомасштабные реформы в социально-экономической и культурной областях: обеспечена социальная поддержка государством наиболее уязвимых слоев общества; расширены механизмы по защите свободы слова и приняты международные стандарты по правам человека; национальным меньшинствам Турции, в частности курдам, предоставлена культурная автономия.

Изменения были внесены и в национальное законодательство: модернизированы правовая и пенитенциарная системы (например, отменены смертные приговоры и пытки). Отчасти за счет установления прозрачности военных бюджетов, ограничения полномочий Совета национальной безопасности и Судов государственной безопасности снизилось влияние представителей военных кругов на политику государства. Были проведены реформы, направленные на стабилизацию экономики. Благодаря гибкому сочетанию рыночных механизмов и плановых функций государства (в Турции сохраняется практика пятилетнего планирования) ПСР уже за первые несколько лет своего правления удалось одновременно реали-

---

² Около 30% членов ПСР некогда входили в состав Партии благоденствия, запрещенной в 1998 г. [Salmoni, 2003].

³ За период с 1991 по 2002 г. в Турции сменилось восемь правительств.

зовать стабилизационную программу и обеспечить финансирование социальной политики [Турция: новая роль в современном мире, 2012: 18].

За одно десятилетие (2002–2012) Турция вышла в ряды динамично развивающихся стран. С 2002 г. средний темп роста составлял 6%, доход на душу населения увеличился с 3 до 11 тыс. долл., уровень безработицы снизился с 10,3% в 2002 г. до 8,2% в 2012 г. и стал самым низким в Европе⁴. Среди стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 2013–2014 гг. Турция продемонстрировала наиболее высокие темпы роста (3,5–4,1 и 5,0–5,4% соответственно)⁵. Таким образом, кризис, который обрушился на страну в 2000–2001 гг., был преодолен, а рост экономики придал властям еще больше уверенности в правильности выбранного курса⁶. Турецкие аналитики М.Б. Алтунишк [Altunışık, 2008] и Дж. Чандар [Çandar, 2009: 10] убеждены в том, что именно благодаря запущенному ПСР процессу модернизации начала укрепляться турецкая «мягкая сила». В сущности, на примере своей страны они подтверждали теоретические выкладки прошлых лет. Так, еще американский социолог и политолог С. Хантингтон отмечал, что усиление жесткого экономического и военного потенциала приводит к росту самоуверенности, высокомерия и веры в превосходство своей культуры [Хантингтон, 2003: 133].

Уже в середине 2000-х годов важным факторам роста потенциала «мягкой силы» стало конструирование лидерами ПСР нового курса внешней политики, отличительной чертой которого было наличие глубоко проработанной концептуальной основы [Турция: новая роль в современном мире, 2012: 28]. Линия поведения в мировой политике и идеология Турции формировались в результате постоянного переосмысления ее положения в новой системе международных отношений. «Архитектор» современной внешнеполитической стратегии Анкары А. Давутоглу в книге «Стратегическая глубина» еще до прихода к власти ПСР изложил свое видение роли страны в меняющемся мире. В одноименной доктрине отра-

---

⁴ Güzel H.C. Ekonomi'de 'Türk mûcizesi' // Sabah. 01.07.2012. Available at: <http://www.sabah.com.tr/yazarlar/guzel/2012/11/07/ekonomide-turk-mcizesi> (accessed: 21.10.2014).

⁵ Т.С. Dışişleri Bakanlığı. Türk Ekonomisinin Genel Görünümü. Available at: <http://www.mfa.gov.tr/turk-ekonomisindeki-son-gelismeler.tr.mfa> (accessed: 06.07.2014).

⁶ В последние годы наблюдалось некоторое замедление развития экономики. По словам министра финансов М. Шимшека, в 2014 г. прогнозируется снижение темпов роста до 3,3% и повышение инфляции. В сентябре 2014 г. дефицит бюджета страны составил 9,2 млрд лир (4 млрд долл.). Несмотря на это, турецкое государство сохраняет уверенные позиции среди развивающихся экономик. İhlas Haber Ajansı. Maliye Bakanı Şimşek bütçe açığı ve memur zamlarını açıkladı. 15.10.2014. Available at: <http://www.ihf.com.tr/haber-maliye-bakani-simsek-butce-acigi-ve-memur-zamlarini-acikladi-400350/> (accessed: 21.10.2014).

зился главный интерес государства — более независимая внешняя политика в XXI в. А. Давутоглу считал, что от Турции требовалось сосредоточить внимание на том геополитическом, геокультурном и геоэкономическом «пространстве», которое ее окружает, и на тех ресурсах, которые у нее имеются [Давутоглу, 2012: 551–556].

С середины 2000-х годов обозначились пять операционных принципов внешнеполитической активности Турции. Первый назывался «балансом между безопасностью и демократией». Он подразумевал, что легитимность политического режима будет определяться его способностью к одновременному обеспечению безопасности и свободы граждан государства. Второй получил благозвучное название — «ноль проблем с соседями». Этот принцип требовал установления максимального сотрудничества с соседними государствами и нормализации отношений с ними. Третья составляющая внешнеполитической деятельности Турции — «проактивная, упреждающая, мирная дипломатия, нацеленная на предотвращение возникновения или эскалации кризисов». Четвертой установкой стала «приверженность многовекторной политике», что подразумевало налаживание таких отношений с другими акторами, которые будут носить взаимодополняющий, а не конкурирующий характер. Наконец, пятый принцип — «участие в международных организациях и активная позиция по всем вопросам глобального и межгосударственного значения с целью укрепления международных позиций Турции»⁷.

Очевидно, что основной акцент был сделан на сотрудничестве и развитии дружественных отношений с другими акторами и на применении методов дипломатии. Неслучайно в турецкой политической среде появилось такое понятие, как «новый стиль дипломатии» [Йешилгаш, Балджи, 2011: 19], означавшее выдвижение на первый план не военной силы Турции, а ее «гражданско-экономической мощи» и использование «мягкой силы» в качестве главного механизма политики. Примечательно, что сам термин «мягкая сила» нечасто встречался в риторике турецких политиков в первый срок правления ПСР (2002–2007). Даже в «Стратегической глубине» он отсутствовал. Лишь в 2007–2008 гг. у А. Давутоглу мы находим понятие «невидимая сила», которое он связывал с дипломатическим успехом страны, достигнутым благодаря ее посреднической деятельности в регионе [Davutoğlu, 2008: 90]. Позднее турецкий дипломат обратил внимание на наличие, помимо известных пяти операционных принципов, еще и трех методологических.

---

⁷ Свистунова И.А. Визит министра иностранных дел Турции А. Давутоглу в США // Институт Ближнего Востока. 05.12.2010. Доступ: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/05-12-10a.htm> (дата обращения: 24.03.2013).

Среди них был и тот, который базировался на концепции «мягкой силы» — использовании новых дискурсов и методов дипломатии, позволяющих Турции распространять ее влияние в регионе⁸.

Почему же в условиях динамичного теоретического переосмысления внешнеполитической стратегии Анкары термин «мягкая сила» довольно поздно привлек внимание турецких политиков и дипломатов и, по сути, был введен в оборот «постфактум»? Ответов на данный вопрос может быть несколько.

Во-первых, сам процесс трансформации Турции занял много времени и продолжается до сих пор. Концепт «мягкой силы» Анкары можно рассматривать как результат синтеза различных подходов, составляющих теоретическую базу современной внешней политики, которая постоянно расширяется и усложняется по мере разработки новых идей. В «Стратегической глубине» четко были прописаны те ресурсы, которыми Турция могла бы оперировать в своей внешнеполитической деятельности⁹. Однако накануне нового тысячелетия А. Давутоглу, исходя из приоритетных национальных интересов, акцентировал внимание в первую очередь на потенциальных угрозах безопасности и стабильности и на проблеме утверждения позиций страны в меняющемся мире, а не только на том, что служило бы усилению привлекательности турецкого государства в глазах мировой общественности.

Во-вторых, правительство смогло обратиться к концепции «мягкой силы» после того, как турецкое государство достигло экономического процветания, относительной стабильности в регионе за счет политики «обнуления» и усиления взаимозависимости с региональными и нерегionalными акторами. Т. Огузлу, специалист Билкентского университета (Анкара), полагает, что «мягкая сила» возникла вследствие процесса «десекуритизации». Благодаря конструктивной дипломатии и региональной обстановке в целом Турция сумела уделить больше внимания невоенным аспектам своей внешней политики, что в свою очередь повысило ее авторитет в глазах западных и ближневосточных стран [Oğuzlu, 2007: 87]. Таким образом, с обеспечением безопасности создавались предпосылки для начала применения инструментов этой «силы» на практике.

---

⁸ Два других принципа: 1) подход к международным вопросам, основанный на «видении», в отличие от кризисно-ориентированного подхода, свойственного Турции в годы «холодной войны»; 2) внешняя политика Турции вырабатывается на базе системы взаимосвязанных и последовательных взглядов и представлений.

⁹ Они названы им «постоянными» (история, география, население, культура) и «потенциальными» (экономический, технологический, военный потенциалы) данными.

История Турции за последнее десятилетие доказывает, что лидеры ПСР не отказались от использования военно-политических и экономических средств во внешней политике, наоборот, они активно продолжают прибегать к ним и сегодня. В настоящий момент страна занимает 8-е место по показателям военно-технического потенциала и мощи армии¹⁰. По этой причине новая стратегия требовала от аналитиков и правительства не только интеграции в нее инструментария «мягкой силы», но и оптимального совмещения ее с «жесткой» мощью страны. А. Давутоглу еще в своей концепции «стратегической глубины» акцентировал внимание на идее применения государством всего комплекса ресурсов.

Почему же тогда обладание этими ресурсами не сделало Турцию авторитетным международным игроком в первое десятилетие после «холодной войны»? По мнению А. Давутоглу, для того чтобы «пустить в ход» эти ресурсы, требовались политическая воля, стратегическое мышление и планирование [Давутоглу, 2012: 553]. Однако, на наш взгляд, для реализации имевшегося потенциала «мягкой силы» и этого было недостаточно. Если исходить из того, что применяемая сила одного актора оказывает то или иное воздействие на другого, то и «мягкая сила» должна быть направлена на определенные целевые группы (институты, органы власти, бизнес-сообщества, гражданское общество). Иными словами, для реализации «мягкой силы» нужна аудитория, для которой и создается привлекательный образ страны.

По всей видимости, турецкие аналитики и политики считали, что наиболее эффективно этого можно было добиться через идеологию, привлекательную и понятную различным целевым группам. Турция — государство с множеством региональных идентичностей, которые нельзя свести к одной, обобщенной, категории [Davutoğlu, 2008: 78]. Она очень многолика: за время правления ПСР в политических и академических кругах страны ей дали много «имен» и создали множество «образов», рассматривать которые следует в формате идеологических и геополитических интересов Анкары.

Во-первых, Турция принадлежит к тюркскому миру ввиду своих языковых, культурных и исторических особенностей. Одним из направлений ее внешнеполитической стратегии стало сближение тюркских государств и народов, возрождение пантюркистских настроений, которые после 1990-х годов казались забытыми. На новом историческом этапе увеличилось число организаций, где Анкара

---

¹⁰ Bender J. The 11 most powerful militaries in the World // Business Insider. 23.04.2014. Available at: <http://www.businessinsider.com/11-most-powerful-militaries-in-the-world-2014-4> (accessed: 13.09.2014).

стремится занять лидирующие позиции, чтобы сблизиться с политическими силами и общественными структурами тюркских республик. Например, в 2008 г. была учреждена Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (ТюркПА), а через год образован Совет сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркский совет).

Во-вторых, Турция была и остается частью мусульманского мира. В 1920-х годах в соответствии с идеологией кемализма лаицизм (светскость) был объявлен одной из принципиальных отличительных черт государственности Турецкой Республики. С появлением на политической сцене ПСР в 2000-х годах начался очередной виток возвращения религии в жизнь общества. Это способствовало тому, что в сферу интересов Анкары стали входить те регионы, в которых проживает мусульманское население: Ближний и Средний Восток, Балканы, постсоветское пространство, исламские государства Африканского континента. В этот список можно добавить мусульманские народы, проживающие на территории России. И. Гёзайдын, эксперт из Технического университета Стамбула, отмечает, что сегодня религия используется Турцией и ее неправительственными организациями (НПО) в качестве элемента «мягкой силы» [Gözaydın, 2010: 10]. Турецкий исследователь К. Октем даже прибегает к такому термину, как «ближнее мусульманское зарубежье» («*near Muslim abroad*»), для обозначения новой сферы влияния страны [Öktem, 2013: 3].

Наконец, в-третьих, Турция — государство с демократическим строем. Во второй половине XX в. это позволяло ей позиционировать себя как часть западного мира. Сегодня укрепление турецкой демократии и признание обществом ее легитимности играют значительную роль в определении Турцией своего международного положения как регионального и глобального актора [Kahn, 2011: 9]. В новом тысячелетии оформился ее образ как «светского и демократического» государства. В 2010 г. А. Давутоглу в статье в «Foreign Policy» писал о том, что процесс демократизации требует от Турции учета во внешнеполитической деятельности потребностей общества, поскольку это свойственно «зрелым демократиям»¹¹. Этот аспект самоидентификации турецкого государства позволяет привлекать внимание все большего числа международных акторов, в том числе тех, которые находятся на ранних ступенях демократического развития.

Можно утверждать, что лидерам ПСР удалось создать эффективную политическую систему ценностей, в которой гармонично

---

¹¹ Davutoglu A. Turkey's zero-problems foreign policy // Foreign Policy. 20.05.2010. Available at: http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/05/20/turkeys_zero_problems_foreign_policy (accessed: 03.04.2013).

сочетаются культурные особенности, исламское мировоззрение и принципы демократии. Турецкий исследователь Т. Цавуш (Университет Сакарья) утверждает, что совмещение демократии и исламской религии выдвигает Турцию в ряды государств с «мягкой силой» [Цавуш, 2012: 23]. Ярче всего это проявилось на фоне событий «Арабского пробуждения». Требовавшие демократических свобод демонстранты вскоре убедились в том, что Запад не был готов помочь с подобной «перестройкой». Турция могла предложить им нечто среднее между западно-либеральной демократией и светским исламским государством. По результатам опроса, проведенного Турецким фондом экономических и социальных исследований, в 2011 г. около 67% жителей арабских стран считали, что Турция представляет собой успешный пример гармоничного сочетания демократии и ислама¹².

Примечательно, что в турецкой и зарубежной академической среде распространилось убеждение о наличии некоей «турецкой модели»¹³. Основано это мнение на том, что усилия Турции по демократизации и экономические успехи сделали ее образцом для недавно возникших в арабском мире социальных и политических движений [Kalin, 2011: 9–10]. Однако власти страны стремятся подчеркнуть, что ее единственное назначение — вдохновить другие мусульманские государства на проведение демократических реформ¹⁴. Нежелание турецких властей «экспортировать» свою модель государственности объясняется тем, что ПСР отдавала предпочтение достижению более глобальной цели — утверждению Турции в роли «актора, конструирующего мировой порядок» (*«düzen kurucu aktör»*¹⁵).

У современной Турции сложился еще один «образ». Руководство страны рассматривает ее как центр притяжения для различных международных акторов¹⁶. Эта концепция Турции как «государства-центра» оформилась к середине 2000-х годов, однако ее истоки мы

---

¹² Akgün M., Gündoğar S.S. The Perception of Turkey in the Middle East 2011. Istanbul: Turkish Economic and Social Studies Foundation, 2012. P. 20.

¹³ Понятие «турецкая модель» стали применять по отношению к новым независимым государствам в тюркском мире. Западные научно-исследовательские центры и средства массовой информации предлагали изображать Турцию как образец демократии и прозападно ориентированное государство. См., например: Pope H. Turkey: Role Model for Soviet Asia? // Los Angeles Times. 17.12.1991. Available at: http://articles.latimes.com/1991-12-17/news/wr-669_1_central-asia (accessed: 28.11.2013).

¹⁴ Taşpınar Ö. Turkey: The New Model? // The Brookings Institution. 24.04.2012. Available at: <http://www.brookings.edu/research/papers/2012/04/24-turkey-new-model-taspinar> (accessed: 03.06.2014).

¹⁵ Bülent A. Düzen kurucu aktör // SETA. 30.09.2009. Available at: <http://setav.org/tr/duzen-kurucu-aktor/yorum/38> (accessed: 18.05.2014).

¹⁶ AKP Parti 2023 Siyasi Vizyonu. Dünya. 30.09.2012. S. 59. Available at: <http://www.akparti.org.tr/site/akparti/2023-siyasi-vizyon> (accessed: 10.08.2014).

находим в «Стратегической глубине» [Давутоглу, 2012: 97–220]. Данная идея пришла на смену укрепившемуся в последнее десятилетие XX в. понятию «государства-моста». Поскольку главная функция «моста» — устанавливать связь между двумя сторонами, этот концепт стал противоречить принципу многовекторности в новой внешней политике. Кроме того, Турция как «центр» больше соответствовала своему «многоликому» образу. При общении со странами Востока она осознавала свою принадлежность к этому региону, на Западе ей следовало руководствоваться западными ценностями, в диалоге с Европой — стать одним из тех государств, которые разделяют ее будущее¹⁷.

Одним из немногих понятий, которое правительство Турции приняло извне и включило в свою внешнеполитическую риторику, стала концепция восходящей державы [Dealing with a Rising Power, 2012]. Она основывалась на идее, что благодаря внутреннему динамизму, модернизации и активной вовлеченности в решение региональных и глобальных проблем страна добилась впечатляющих результатов. Продвижение образа новой восходящей державы привлекло к Турции внимание мировой общественности и позволило турецким властям говорить о лидерстве страны на региональном и глобальном уровнях¹⁸. Уже сегодня лидерские способности «восходящего» турецкого государства признаны на международном уровне. Доказательство тому — сделанное после выхода в свет доклада Всемирного валютного фонда, посвященного усилению роли развивающихся рынков в мировой экономике¹⁹, заключение экономических обозревателей «Financial Times» об образовании новой «Большой семерки», которая включает помимо Турции Бразилию, Индию, Индонезию, Китай, Мексику и Россию²⁰.

Анализ ключевых идеологем турецкой внешней политики свидетельствует о том, что первоначально руководство страны стремилось превратить ее в независимого во всех отношениях участника мировой политики²¹. Турция приложила немало усилий, чтобы ее

---

¹⁷ Davutoğlu A. Türkiye merkez ülke olmalı // Radikal. 26.02.2004. Available at: <http://www.radikal.com.tr/haber.php?haberno=107581> (accessed: 14.06.2014).

¹⁸ См., например: Anadolu Ajansı. Türkiye'nin yükselen gücü engellenemez. 28.03.2014. Available at: <http://www.aa.com.tr/tr/haberler/306940--turkiyenin-yukselen-gucunu-engelleyemeyecekler> (accessed: 05.03.2013).

¹⁹ IMF World economic outlook (October 2014). Washington, D.C.: IMF, 2014. Available at: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/02/pdf/text.pdf> (accessed: 23.11.2014).

²⁰ Jackson G., Fray K. Datawatch: a new G7 // Financial Times. 08.10.2014. Available at: <http://blogs.ft.com/ftdata/2014/10/08/datawatch-a-new-g7/> (accessed: 27.10.2014).

²¹ См., например: Turcomoney. Türkiye'nin hedefi küresel liderlik. 02.11.2011. Available at: <http://www.turcomoney.com/turkiyenin-hedefi-kuresel-liderlik.html> (accessed: 17.02.2014).

вновь «заметили» в мире. Если в первый срок своего правления ПСР уделяла внимание в основном проблеме обеспечения регионального лидерства страны, то уже после убедительной победы на выборах в 2007 г., сосредоточив в руках ключевые ветви власти, она направила свою деятельность на выдвигание Турции в ряды мировых лидеров.

В 2011 г. партия, вновь одержав победу на выборах, предложила программу под названием «Видение-2023». Эта своего рода «дорожная карта» Турции позволяет познакомиться с ключевыми целями и задачами, которые правительство намеревается достигнуть к 100-летию Турецкой Республики. Среди приоритетных национальных интересов — выход на один уровень с передовыми государствами по основным социально-экономическим показателям и уровню жизни. Другой задачей является вхождение Турции в число акторов, которые будут «определять направление развития новой системы и порядка международных отношений»²². Для достижения этих целей от руководителей турецкого государства потребовалось не только принять новые концептуальные положения внешней политики, но и суметь найти им практическое применение. Это же касается конкретных инициатив в отдельных сферах, направленных на проецирование «мягкой силы» Турции.

* * *

Амбициозные планы лидеров ПСР потребовали реформирования и внешнеполитических институтов страны. Особенностью ее стратегии на данном направлении стало привлечение, помимо официальных структур, НПО и общественных учреждений, которые были объявлены «неотъемлемой частью внешней политики» Турции [Davutoğlu, 2008: 84]. Поскольку различные компоненты «мягкой силы» появились в разное время, в том числе в 1990-х годах, они слабо взаимодействовали между собой. Только в январе 2010 г. при поддержке премьер-министра Турции было создано Управление публичной дипломатии, сотрудничающее с Министерством иностранных дел и Министерством культуры и туризма. Основными целями этого ведомства стали ведение публичной дипломатии, поддержание сотрудничества и координация действий общественных институтов и НПО друг с другом [Kalin, 2011: 7–8].

Стоит отметить, что культурные центры, образовательные учреждения, бизнес-структуры, поддерживаемые или создаваемые при содействии правительства Турции, ориентированы не только

---

²² AKP Parti 2023 Siyasi Vizyonu. Dünya. 30.09.2012. S. 58. Available at: <http://www.akparti.org.tr/site/akparti/2023-siyasi-vizyon> (accessed: 24.07.2014).

на иностранцев, но и на турок, проживающих за рубежом. По информации МИД, за пределами страны живут около 5 млн турок (из них 4 млн — в Западной Европе, 300 тыс. — в Северной Америке, 200 тыс. — на Ближнем Востоке, 150 тыс. — в Австралии)²³. С 2010 г. при аппарате премьер-министра Турции функционирует специальное агентство по работе с турецкой диаспорой — Управление по делам турок, проживающих за рубежом, и родственных народов²⁴. Живущие за границей турки активно продвигают интересы Турции и сотрудничают с правительственными и неправительственными организациями, тем самым улучшая ее имидж.

Представление о стране формируется также за счет деятельности ее правительства и различных государственных органов и организаций за рубежом. В арсенале у Турции имеется такой инструмент «мягкой силы», как участие в программах по оказанию помощи наименее развитым странам. Еще в 1992 г. было учреждено Турецкое агентство сотрудничества и развития (ТІКА), цель которого сводилась к содействию развитию бывших советских республик. В новом тысячелетии агентство стало активно действовать на Балканах, в Восточной Европе, на Ближнем Востоке и в Африке. Расширился список его целей и задач: организация культурных, образовательных программ, проектов в области здравоохранения, сельского хозяйства, туризма и промышленности, изучение турецкого языка и культуры [Öner, 2013: 11]. Реализуя свыше 11 тыс. проектов более чем в 100 странах, ТІКА только за 2013 г. выделило для различных целей около 3,5 млрд долл. (для сравнения: в 2002 г. — 86 млн долл.)²⁵.

Развитие отношений с отдаленными регионами стало еще одной чертой новой стратегии Анкары. Всемирная продовольственная программа (World Food Programme — WFP) присвоила Турции статус «восходящего государства-донора». По информации WFP, эта страна стала одним из ведущих доноров Африканского континента²⁶. На примере турецко-африканских отношений можно судить о вовлеченности НПО и общественных организаций страны в оказание помощи другим государствам. Еще в 1998 г. Турция предложила африканским странам «План действий», направленный на стимулирование торговли, реализацию совместных проектов, тех-

---

²³ MFA of Turkey. Turkish citizens living abroad. Available at: <http://www.mfa.gov.tr/the-expatriate-turkish-citizens.en.mfa> (accessed: 12.07.2014).

²⁴ Аватков В., Чулковская Е. «Мягкая сила» Турции в Германии и евразийская концепция Путина // REGNUM. 28.05.2012. Доступ: <http://www.regnum.ru/news/polit/1535777.html> (дата обращения: 20.08.2014).

²⁵ ТІКА. ТІКА, Türkiye'dir. 03.01.2013. Available at: <http://www.tika.gov.tr/haber/tika-turkiyedir/457> (accessed: 23.08.2014).

²⁶ MFA of Turkey. Humanitarian assistance by Turkey. Available at: <http://www.mfa.gov.tr/humanitarian-assistance-by-turkey.en.mfa> (accessed: 15.04.2014).

ническое и научное сотрудничество²⁷. Подлинное «открытие» континента наметилось после «Года Африки» (2005). В 2008 г. была принята Стамбульская декларация²⁸, запустившая партнерство между Африкой и Турцией. Подобные действия Анкары можно объяснить тем, что она была заинтересована в поддержании имиджа «щедрого донора»²⁹ и привлечении на свою сторону как можно большего числа партнеров и союзников. Так, в 2009 г., заручившись поддержкой африканских государств, Турция получила место непостоянного члена Совета Безопасности ООН³⁰. Из 53 африканских стран — членов Генеральной Ассамблеи 52 проголосовали за ее кандидатуру.

Другое направление внешнеполитической деятельности — предоставление гуманитарной помощи. В этом деле активное участие принимает множество частных компаний, неправительственных и общественных организаций, которые сотрудничают с государственными структурами. Среди таких общественных организаций наиболее известная — «Турецкое общество Красного Полумесяца» («Kızılay»). В 2004 г. Анкара оказала гуманитарную помощь государствам Юго-Восточной Азии, пострадавшим после цунами. В октябре 2005 г. она помогла в восстановлении разрушенного землетрясением Пакистана³¹. Яркий пример использования этого инструмента «мягкой силы» связан с отправкой в мае 2010 г. «Флотилии свободы» к берегам Газы, блокированной Армией обороны Израиля. В результате конфликта между израильскими войсками и активистами движения «Свободная Газа» на турецком корабле «Mavi Marmara» погибли 9 человек. На этом фоне ухудшившиеся еще в 2008–2009 гг. отношения Анкары и Тель-Авива стали стремительно портиться. По результатам опросов Турецкого фонда экономических и социальных исследований, после случившегося около 80% респондентов из арабских стран выразили свою симпа-

---

²⁷ Şahin Ö. Türkiye'nin Afrika Açılımı // BİLGESAM. 19.07.2010. Available at: <http://www.bilgesam.org/incele/43/-turkiye%E2%80%99nin-afrika-acilimi/#.VNNcrz9O7cs> (accessed: 10.11.2014).

²⁸ Текст документа: ISS Resource Centre. The İstanbul Declaration on Turkey-Africa Cooperation. 19.08.2008. Available at: <http://www.issafrika.org/uploads/TURKEY-AFRIDECAUG08.PDF> (accessed: 13.07.2014).

²⁹ Turan Y. Turkey ranks 3rd most generous donor country // Hürriyet Daily News. 04.10.2014. Available at: <http://www.hurriyetdailynews.com/turkey-ranks-3rd-generous-of-donor-countries-.aspx?pageID=517&nID=72519&NewsCatID=510> (accessed: 03.08.2014).

³⁰ Hürriyet Daily News. Turkey hopeful for African support in U.N. council seat. (2009). Available at: <http://www.hurriyet.com.tr/english/domestic/9701409.asp?scr=1> (accessed: 07.08.2014).

³¹ MFA of Turkey. Humanitarian assistance by Turkey. Available at: <http://www.mfa.gov.tr/humanitarian-assistance-by-turkey.en.mfa> (accessed: 15.04.2014).

тию Турции и ее правящей партии³². Таким образом, акции по оказанию гуманитарной помощи, даже организуемые НПО, позволяют турецкому государству закреплять свои позиции в сопредельных и отдаленных от него регионах, не нарушая при этом норм международного гуманитарного права. Это объясняет, почему в августе 2014 г. Анкара вновь направила в Газу суда с гуманитарной помощью³³.

Другим примером может служить развитие отношений Турции с Сомали, одной из беднейших и самых нестабильных стран Африки. В 2011 г. ей была выделена помощь в размере 201 млн долл. для устранения последствий засухи и установления гражданского мира³⁴. Впервые в XXI в. иностранное государство, Турция, установило дипломатические отношения с Могадисо и открыло свое представительство. Более того, авиакомпания «Turkish Airlines» стала совершать регулярные рейсы между двумя странами. Однако случай с Сомали оказался не единичным. Турция и сегодня продолжает оказывать помощь государствам «глобального Юга». Так, в апреле 2014 г. турецкое правительство одобрило миссию под названием «По ту сторону горизонта» («Beyond Horizons»)³⁵. Ее цель — доставить гуманитарную помощь 27 странам Африки. Очевидно, что проникновение Турции в этот регион является не просто жестом доброй воли. Вероятнее всего, руководство страны вновь рассчитывает на поддержку африканских государств: известно, что Анкара намеревалась выдвинуть свою кандидатуру на постоянное членство в Совбезе ООН в 2015–2016 гг.

Попытка влиять на формирование повестки дня международных организаций — характерная для современной Турции линия поведения. После окончания «холодной войны» она искала новые пути укрепления своих позиций на мировых площадках. Например, в 1992 г. Анкара стала инициатором создания межправительственного объединения — Организации Черноморского экономического сотрудничества. Эта инициатива была одной из немногих попыток турецких властей превратить страну в активного участника международных отношений. С середины 2000-х годов, руковод-

---

³² Akgün M., Gündoğar S.S. The Perception of Turkey in the Middle East 2011. Istanbul: Turkish Economic and Social Studies Foundation, 2012. P. 19.

³³ Anadolu Ajansı. Türkiye'den Gazze'ye 8 milyon dolarlık yardım. 01.08.2014. Available at: <http://www.aa.com.tr/tr/haberler/367386--turkiyeden-gazzeye-8-milyon-53-bin-893-dolar-yardim> (accessed: 16.08.2014).

³⁴ Hürriyet Daily News. Turkey raises \$201 million for Somalia. 08.26.2011. Available at: <http://www.hurriyetdailynews.com/default.aspx?pageid=438&n=turkey-raises-201-million-for-somalia-2011-08-26> (accessed: 02.09.2014).

³⁵ Taştekin F. Turkey's Africa policies blend hard, soft power // Al-Monitor. 06.04.2014. Available at: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/04/turkey-africa-humanitarian-business-strategic-policy.html> (accessed: 13.08.2014).

ствуясь принципом «активизации внешней политики», ПСР стала преследовать цель расширения списка присутствия турецкого государства в международных институтах и форумах.

В разные годы Турция становилась площадкой для встреч на высшем уровне. В 2009 г. там прошла ежегодная встреча МВФ и Всемирного банка, в 2010 г. — Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, в мае 2011 г. — Четвертая конференция ООН по наименее развитым странам, в апреле 2012 г. — конференция «Друзей Сирии». С 2010 г. начал свою работу Стамбульский мировой политический форум, который превратился в место встречи глав государств, известных политиков, бизнесменов, ученых, общественных и религиозных деятелей и стал своеобразным ответом Давосскому форуму³⁶.

Укреплению «мягкой силы» Турции способствовало ее председательство в международных организациях. Так, в 2009–2010 гг. на страну были возложены обязанности председателя в организации «Процесс сотрудничества в Юго-Восточной Европе», в 2010–2011 гг. — на встречах Комитета министров Совета Европы, в 2010–2012 гг. — на Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии. С 2005 по 2014 г. на посту генерального секретаря Организации исламского сотрудничества (до 2011 г. — Организация Исламская конференция) находился турецкий дипломат Э. Ихсанголу³⁷. Принцип ведения «проактивной», т.е. упреждающей, внешней политики проявился в выдвижении Анкарой своей кандидатуры на роль посредника в урегулировании спорных вопросов. Турция в качестве третьей стороны выступила при переговорах между ФАТХ и ХАМАС, политическими партиями в Косово, суннитами и шиитами Ирака, Сирией и Израилем, Пакистаном и Афганистаном, ЕС и Ираном [Йешилташ, Балджи, 2011: 24]. Посредническая деятельность ПСР значительно повысила авторитет страны в глазах мировой общественности.

«Инициативное» участие в международных организациях позволило Турции также продемонстрировать свой политический и экономический потенциал. В последние годы для руководителей ПСР приоритетным вопросом является участие в «Большой двадцатке». Позиции Турции в рамках этого международного форума особенно укрепились в период с 2008 по 2011 г., поскольку ее эко-

---

³⁶ В январе 2009 г. на конференции Всемирного экономического форума произошла словесная перепалка между премьер-министром Турции Р.Т. Эрдоганом и президентом Израиля Ш. Пересом из-за действий израильской армии в Газе. Турецкий политик демонстративно покинул место встречи, пообещав больше не приезжать на форум в Давосе.

³⁷ Hürriyet. İhsanoğlu İKÖ Genel Sekreteri.15.06.2004. Available at: <http://hurarsiv.hurriyet.com.tr/goster/haber.aspx?id=233944> (accessed: 10.11.2013).

номика в меньшей степени пострадала в результате мирового финансово-экономического кризиса³⁸. Это способствовало формированию у ее лидеров амбициозных планов, касающихся будущей роли страны в глобальном управлении. В перспективе турецкое государство хотело бы добавить к обсуждаемым финансово-экономическим вопросам и посткризисному урегулированию те, которые затрагивают проблемы энергетической безопасности, мира на Ближнем Востоке, стабильности мировой экономики и реформы международных финансовых институтов [Bradford, Linn, 2009: 63]. Для Турции это особенно актуально в связи с тем, что в 2015 г. председательство в «Большой двадцатке» перейдет к ней.

Под руководством ПСР страна выступила инициатором новых международных проектов глобального значения. Яркий пример — предложенный в 2005 г. на 59-й Генеральной Ассамблее ООН премьер-министром Испании Х.Л.Р. Сапатеро и поддержанный его турецким коллегой Р.Т. Эрдоганом «Альянс цивилизаций»³⁹. Он был оформлен как проект ООН для межконфессионального и межкультурного диалога в целях устранения предрассудков, стереотипов и взаимного недоверия между людьми и социальными группами, принадлежащими к разным религиям и культурам. «Мирный проект столетия», как его назвал Р.Т. Эрдоган [Эрдоган, 2012: 225–227], должен был стать свидетельством смягчения характера внешней политики Турции. Фактически идея укрепления диалога с другими акторами через развитие культурно-исторических и религиозных связей была спроецирована на стратегию страны в глобальной политике.

Турция претендует на звание одного из мировых культурных и спортивных центров. В июле 2011 г. Стамбул уже в пятый раз выдвинул свою кандидатуру на проведение Олимпийских игр⁴⁰, но в сентябре 2013 г. это право досталось японской столице. В декабре того же года в стране впервые прошел музыкальный конкурс «Türkvision». Эта инициатива стала альтернативой «Евровидению». В музыкальном мероприятии приняли участие исполнители не только из тюркоговорящих государств, но также из стран, где проживает тюркское население, например Ирака и Молдавии. Интересно, что в конкурсе участвовали певцы из многих субъектов Российской Федерации.

---

³⁸ По данным МВФ и ОЭСР, в 2010 и 2011 гг. она оказалась одной из стран с бурно развивающейся экономикой. Только за первый квартал 2011 г. ВВП Турции повысился на 11%, сделав ее одной из лидирующих экономик среди членов «Большой двадцатки» [Bağcı, 2011: 147].

³⁹ Т.С. Dışişleri Bakanlığı. Medeniyetler İttifakı Girişimi. Available at: <http://www.mfa.gov.tr/medeniyetler-ittifaki.tr.mfa> (accessed: 20.06.2014).

⁴⁰ На заключительном этапе отбора оставались также Токио и Мадрид.

Эффективными способами усиления привлекательности страны стали продвижение турецкой системы образования и популяризация турецкого языка за рубежом [Мосаки, 2013]. Одной из созданных ранее пропагандистских «машин» является Международная организация по совместному развитию турецкой культуры и искусства (TÜRKSOY, 1993), приоритеты которой — меры по выявлению социоидентичности тюркоязычных народов, сохранению, изучению и приумножению их культурного многообразия⁴¹. Помимо TÜRKSOY на «тюркском» пространстве активную, в частности просветительскую, деятельность вело движение Ф. Гюлена «Хизмет»⁴². На территории бывшего СССР «гюленисты» открыли множество школ, лицеев и высших учебных заведений. Сегодня в Казахстане существуют 30 начальных и средних «гюленовских» школ, до 15 — в Киргизии, столько же — в Азербайджане, около 10 — в Таджикистане. До 2001 г. в Узбекистане работали 15 таких школ, но они были закрыты вследствие ухудшения турецко-узбекских отношений⁴³.

Однако по мере упрочения позиций ПСР встал вопрос о создании официальной сети образовательных и культурно-религиозных учреждений, которые вписывались бы в рамки новой внешней политики Анкары. Сегодня в стране функционируют различные организации, успешно реализующие свои задачи на том же пространстве, что и ранние проводники турецкой «мягкой силы». С 2007 г. важную роль стал играть Фонд Юнуса Эмре, созданный при содействии президента А. Гюля. При Фонде работу начал Институт Юнуса Эмре (аналог Института Конфуция, Фонда «Русский мир», Института Гёте). Официальной его целью объявлено проведение культурных и социальных программ, в первую очередь направленных на установление связей с представителями турецкой диаспоры за рубежом [Аватков, Чулковская, 2013: 116]. Центры по изучению турецкого культурного наследия открылись во многих городах мира, в том числе в Казани (2012)⁴⁴.

---

⁴¹ О нас // TÜRKSOY. Доступ: http://www.turksoy.org.tr/ru/turksoy/about_us (дата обращения: 12.10.2014).

⁴² Фетхуллах Гюлен — общественный и религиозный деятель, основатель и идейный лидер движения «Хизмет». На территории Турции деятельность «Хизмет» с конца 1990-х годов находится под запретом, а сам ее руководитель пребывает в добровольном изгнании в США. Имеется информация о тесных связях сторонников Ф. Гюлена с турецкой религиозной сектой «Нурджулар». См., например: Давыдов М.Н. Деятельность турецкой религиозной секты «Нурджулар» // Институт Ближнего Востока. 03.11.2007. Доступ: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/03-11-07b.htm> (дата обращения: 23.11.2014).

⁴³ Balci B. The Gülen movement and Turkish soft power // Carnegie Endowment for International Peace. 04.02.2014. Available at: <http://carnegieendowment.org/2014/02/04/g%C3%BClen-movement-and-turkish-soft-power> (accessed: 27.09.2014).

⁴⁴ В 2014 г. ожидается открытие Культурного центра имени Юнуса Эмре в Москве.

В новом тысячелетии Турция начала расширять свои академические связи. Например, в 2004 г. стартовал проект «Библиотеки Турции — в каждую страну», в результате которого 100 турецким центрам, расположенным в 67 странах мира, было подарено 90 тыс. книг⁴⁵. Новым методом стало открытие филиалов турецких университетов и исследовательских центров по изучению Турции. Так, в 2005 г. в Лондонской школе экономики и политических наук была учреждена кафедра современных турецких исследований⁴⁶. Предоставление образовательных услуг иностранным студентам также вошло в инструментарий «мягкой силы» турецкого государства. В Турции сегодня работают более 160 вузов, которые могут предложить различные учебные программы, гранты и стипендии, например, в рамках образовательной программы Босфор (Bosphorus Undergraduate Scholarship Program) [Сафонкина, 2014: 153]. Другой пример — существующая в Принстонском университете (США) ежегодная стипендия имени Халиде Эдип Адывар. Она выдается студентам, желающим уехать в Турцию для обучения или проведения исследования, участия в программах по изучению турецкого языка и особенностей культуры и общества страны⁴⁷. За последнее десятилетие турецкое государство выработало эффективные инструменты воспитания целого поколения протурецки настроенных молодых людей. Российские исследователи А.В. Аватков и Е.Е. Чулковская, проанализировав деятельность центров культуры имени Юнуса Эмре, пришли к выводу, что подобные учреждения представляют собой важный механизм лоббирования интересов Турции [Аватков, Чулковская, 2013: 121].

Сегодня сложно судить о том, успела ли Анкара сформировать свое «лобби» за рубежом, в том числе в России. С одной стороны, Турцией действительно сделаны уверенные шаги для привлечения внимания представителей других культур к ее истории, традициям и языку. С другой — подобный институт политической системы необязательно формируется в результате применения «мягкой силы». Возможно, в долгосрочной перспективе он и способен возникнуть, но степень его влияния в отдельно взятой стране будет зависеть от состояния ее взаимоотношений с Турцией. Складывание «лобби» — небыстрый процесс, обусловленный многими факторами; важная

---

⁴⁵ РГБ. Турецкие исследования в РГБ. 20.09.2012. Доступ: www.rsl.ru/ru/news/200912/ (дата обращения: 25.10.2014).

⁴⁶ Türkiye Cumhuriyet Merkez Bankası. TCMB Bülteni, Sayı: 3, Eylül 2006. S. 4. Available at: <http://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/94348b7d-dc4d-4e99-a7a5-6950b9b4faf9/bulten-turkce3.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=94348b7d-dc4d-4e99-a7a5-6950b9b4faf9> (accessed: 16.09.2014).

⁴⁷ American association of teachers of Turkic languages. Halide Edip Adivar Prize. Available at: www.princeton.edu/~turkish/aatt/Halide.htm (accessed: 14.08.2014).

роль должна быть отведена диаспоре, общественным и неправительственным организациям и официальным структурам турецкого государства. Помимо этого большое значение имеют качество и полезность предоставляемых Турцией другому государству услуг, в том числе образовательных, которые были бы приняты его обществом.

Важным способом реализации потенциала «мягкой силы» для страны остается фактор ее привлекательности в глазах иностранцев. Например, безвизовый режим служит инструментом, направленным на достижение этой цели. Известно, что Турция является государством, один из основных источников дохода которого — туризм [Akbaş, Tuna, 2012]. Если в начале 2000-х годов страну посетили не более 10 млн туристов, то за последние годы эти цифры увеличились в несколько раз. В 2013 г. сюда приехали до 39,2 млн, а в 2014 — 41,5 млн туристов⁴⁸. С 2005 г. МИД Турции отменило визу для граждан более чем 35 государств, в том числе для России (октябрь 2010 г.)⁴⁹. Безвизовый режим привлекает также представителей деловых кругов, готовых инвестировать в экономику зарубежного государства. С 10 апреля 2014 г. была введена новая система оформления визы через Интернет — «E-Visa»⁵⁰. Упрощенная процедура получения турецкой визы или режим свободного пересечения границы для некоторых государств облегчает въезд в страну для тех, кто нуждается во временном убежище. Например, безвизовый режим между Анкарой и Тегераном позволил многим жителям Ирана, несогласным с политическим порядком в своей стране, уехать на Запад через территорию соседнего государства. Помимо этого Турция стала одной из немногих стран, которую иранский средний класс может беспрепятственно посещать и пользоваться благами либерального общества и экономики [Kirişçi, Tocci, Walker, 2010: 22].

Из числа новых инструментов «мягкой силы» можно упомянуть деятельность турецкой авиакомпании «Turkish Airlines». В 2000-х годах ей удалось выйти на один уровень со многими мировыми брендами. В рейтинге 20 крупнейших авиаперевозчиков 2014 г. «Турецкие авиалинии» заняли 5-е место⁵¹. Глава совета директоров авиакомпании Х. Топчу убежден в том, что продвижение «Turkish Airlines»

---

⁴⁸ Türkiye İstatistik Kurumu. Turizm İstatistikleri, IV. Çeyrek: Ekim-Aralık ve Yıllık, 2014. Available at: <http://www.tuik.gov.tr/PreHaberBultenleri.do?id=18665> (accessed: 03.02.2015).

⁴⁹ Russia Today. Russia and Turkey agree on visa-free travel. 18.10.2010. Available at: <http://rt.com/politics/russia-turkey-visa-regime/> (accessed: 05.02.2013).

⁵⁰ См.: Electronic Visa Application System. Available at: <https://www.evisa.gov.tr/en/> (accessed: 02.05.2014).

⁵¹ World Airline Awards. Airline of the Year 2014. Available at: http://www.worldairlineawards.com/Awards_2014/Airline2014.htm (accessed: 23.09.2014).

на мировом рынке способствует улучшению имиджа Турции [Selçuk, 2013: 180]. Популярности компании прибавило то, что она приглашала известных киноактеров и спортсменов для участия в рекламных видеороликах и организовала их трансляцию в зарубежных СМИ. Турецкий исследователь О. Сельджук пишет о том, что в одном из последних рекламных слоганов авиакомпании («Globally yours» — «Всемирно ваши») отображается агрессивная экспансионистская стратегия руководства страны [Selçuk, 2013: 183]. Только в один год — 2006 — было открыто сразу 24 направления полетов⁵². Главным хабом, откуда совершаются регулярные рейсы компании, является Международный аэропорт имени М.К. Ататюрка в Стамбуле, благодаря чему культурная столица Турции стала одним из самых посещаемых туристами городов региона. В 2006 г. в результате масштабной приватизации государство приобрело 49% акций «Turkish Airlines». Таким образом, хотя формально авиакомпания и не является государственным учреждением, именно она оказалась больше остальных воздушных перевозчиков страны вовлечена в политику⁵³: ее деятельность стала еще одним инструментом турецкой «мягкой силы» и позволила Турции достичь многих поставленных целей в региональной политике благодаря развитию торговли, делового сотрудничества и общению народов друг с другом.

Довольно новым проводником «мягкой силы» является телевидение. После приватизации телевизионных каналов в 1990-х годах турецкие сериалы и фильмы за очень короткое время стали пользоваться большим успехом внутри страны. С середины 2000-х годов продукция турецкой киноиндустрии начала выходить на мировые рынки. Сегодня телепередачи Турции смотрят около 400 млн человек в 90 государствах мира⁵⁴. Даже в Латинской Америке популярные турецкие сериалы, хотя лидерство в этой сфере в 1990-х годах принадлежало странам именно этого региона. Наибольшим спросом продукты турецкой киноиндустрии пользуются в регионе Ближнего и Среднего Востока⁵⁵. Интересный факт связан с одним из сериа-

---

⁵² 'Turkish Airlines'. History. Available at: <http://www.turkishairlines.com/en-ru/corporate/history> (accessed: 21.09.2014).

⁵³ В Турции сегодня внутренние и международные рейсы совершают до 15 турецких авиакомпаний.

⁵⁴ Akyol A. Türk dizileri dünyada 400 milyon kişi izliyor // Akşam. 15.06.2014. Available at: <http://www.aksam.com.tr/ekler/pazar/turk-dizilerini-dunyada-400-milyon-kisi-izliyor/haber-315819> (accessed: 19.09.2014).

⁵⁵ С 2008 г., когда арабский канал MBC, вещающий в 22 государствах Ближнего Востока и Северной Африки, купил права на трансляцию турецких сериалов, число зрителей постоянно росло. Согласно опросам, 74% жителей региона посмотрели хотя бы один турецкий сериал. См.: Euronews. Турецкие сериалы завоевывают Ближний Восток. 29.06.2012. Доступ: <http://ru.euronews.com/2012/06/29/turkish-tv-a-device-for-social-change-in-the-arab-world/> (дата обращения: 10.09.2014).

лов, который транслировался в Палестинской автономии в период противостояния ХАМАС и ФАТХ [«Под сенью лип» («İhlamlar altında»). — А.А.]⁵⁶. Его показывали в четыре часа дня, и стороны договорились о прекращении огня на время показа — на целый час⁵⁷.

Автор концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтон еще в конце прошлого века предсказывал, что усиление могущества незападных обществ, вызванное модернизацией, приводит к возрождению незападных культур во всем мире [Хантингтон, 2003: 131]. Так называемый процесс «индегенизации» начался и в Турции. В годы правления ПСР произошло обращение к истории и культуре Османской империи, что нашло отражение в увеличении числа новых, исторических, кинокартин. Самые яркие примеры — фильм «1453. Завоевание» («Fetih 1453», 2012) и телесериал «Великолепный век» («Mühteşem Yüzyıl», 2011–2014). Последний стал популярным далеко за пределами постосманского пространства, в том числе в России. Сериал вызвал критику со стороны турецких и зарубежных политиков и представителей академических кругов, утверждавших, что его создатели исказили многие исторические события и факты. В ряде стран был запрещен показ сериала: Египет, Македония и Таджикистан убрали его из эфирной сетки⁵⁸. У российских историков и политологов он также вызвал много вопросов. В мае 2013 г. в Российско-турецком научном центре ВГБИЛ даже состоялся круглый стол, посвященный сериалу «Великолепный век» и его восприятию в России⁵⁹. Однако популярность кинопопсы в нашей стране и за рубежом не снизилась.

Многим государствам стало выгодно покупать сериалы и фильмы у Турции, а не производить свои. Однако в последние годы некоторые страны стали отказываться от них по разным причинам. Так, в 2012 г. в Таджикистане запретили сразу пять сериалов, заявив, что они могут провоцировать насилие и нести в себе элементы терроризма и экстремизма⁶⁰. Это обстоятельство объяснялось

---

⁵⁶ В арабских странах он транслировался под названием «Sanawat al-Daya'a» («Потерянные годы»).

⁵⁷ Semih I. Arabs soak up turkish soap operas // Al-Monitor. 25.01.2013. Available at: <http://www.al-monitor.com/pulse/ar/originals/2013/01/turkish-soap-operas-arab-audiences-noor.html> (accessed: 15.10.2014).

⁵⁸ Севастопольское агентство новостей. Очередной скандал с телесериалом «Великолепный век»: некоторые страны запретили показ турецкого сериала. 11.09.2013. Доступ: <http://sannews.com.ua/2013/09/ocherednoj-skandal-s-teleserialom-velikolepnyj-vek-nekotorye-strany-zapretili-pokaz-tureckogo-seriala.html> (дата обращения: 20.09.2014).

⁵⁹ Российско-турецкий научный центр ВГБИЛ. Обсуждение турецкого сериала «Великолепный век». Май 2013. Доступ: www.rtnauka.ru/48 (дата обращения: 22.08.2014).

⁶⁰ Interfax-Азербайджан. В Таджикистане запрещают продавать турецкие сериалы. 21.05.2012. Доступ: <http://interfax.az/view/541877> (дата обращения: 25.08.2014).

неспособностью местной теле- и киноиндустрии конкурировать с турецкой. Более того, передачи каналов стали настоящими проводниками турецкого образа жизни и морально-этических ценностей. Телезрители могли наблюдать за героями сериалов, живущих в современных мегаполисах и пользующихся благами западной цивилизации — начиная от одежды и заканчивая стилем поведения в обществе и семье. В ряде стран мусульманского мира власти стали беспокоиться по поводу негативного воздействия «мыльных опер» на моральные устои их населения. Например, руководство Ирана решило, что просмотр турецких каналов может стать причиной культурного дисбаланса в обществе и нанести урон самобытной иранской культуре⁶¹.

Несмотря на неоднозначное отношение к турецкой телевизионной продукции, в целом она продолжает пользоваться большой популярностью. Так, сильное воздействие телепрограмм Турции на общественное мнение наблюдалось в Греции, где за многие десятилетия сложилось негативное восприятие турок. В 2011 г. газета «Н griyet» писала о том, что турецкие сериалы смогли разрушить многие стереотипы по отношению к Турции и ее населению⁶². Ввиду религиозных различий и негативной роли, которую сыграла Османская империя в истории двух других государств Балканского полуострова — Сербии и Хорватии, долгое время в них тоже сохранялись антитурецкие настроения⁶³. В результате знакомства с Турцией посредством телевизионных программ произошло улучшение имиджа этой страны в сербском и хорватском общественном сознании. Г. Михалакопулос, специалист из Университета Флиндерса (Австралия), даже называет сериалы и фильмы культурными продуктами Турции [Mihalakopoulos, 2013: 180]. Благодаря им усилилась привлекательность самой страны: иностранцы стали заказывать туристические поездки по тем местам, где проходили съемки сериалов или фильмов. Увеличилось число желающих изучать турецкий язык. К такому выводу пришел, например, директор Культурного центра Юнуса Эмре в Каире С. Сезар⁶⁴.

---

⁶¹ ИноСМИ. Влияние спутниковых сериалов на жизнь иранцев. 20.07.2012. Доступ: <http://inosmi.ru/world/20120720/195251909.html> (дата обращения: 06.09.2014).

⁶² Kirbaki Y. Turkish TV series a solution for big Greek crisis // *Hürriyet Daily News*. 10.09.2011. Available at: <http://www.hurriyetdailynews.com/turkish-tv-series-a-solution-for-big-greek-crisis.aspx?pageID=438&n=turkish-tv-series-a-solution-for-big-greek-crisis-2011-10-09> (accessed: 07.08.2014).

⁶³ Tomic D. The 1001 Episodes: a diplomatic perspective to Turkish TV Series in the Western Balkans // *Academy for Cultural Diplomacy*. 2012. Available at: <http://www.culturaldiplomacy.org/academy/content/pdf/participant-papers/eu/Djordje-Tomic-The-1001-Episodes-A-Diplomatic-Perspective-to-Turkish-TV-Series-in-the-Western-Balkans.pdf> (accessed: 22.08.2014).

⁶⁴ AZERROS. Турецкие сериалы — одна из причин, по которой египтяне начали изучать турецкий язык. 08.01.2013. Доступ: <http://azerros.ru/news/9353-tureckie>

3. Йорюк и П. Ватикиотис, эксперты из Измирского университета, даже обратили внимание на появление нового типа колониализма — посредством «мыльных опер» («soap opera colonialism») [Yörük, Vatikiotis, 2013: 2362].

Однако важно подчеркнуть, что все указанные новые инструменты внешней политики Турции первоначально не предназначались для проецирования ее «мягкой силы». Каждый из них был создан или введен в оборот чисто из торговых и коммерческих интересов страны. Например, доход Турции от транслирования по турецким и местным каналам своих «мыльных опер» достиг 200 млн долл.⁶⁵ Доход от туризма в 2013 г. составил 32,3 млрд долл., а за 2014 г. — 34,3 млрд долл.⁶⁶ Как и большинство рычагов непрямого воздействия, этот инструментарий прежде всего служил реализации наиболее приоритетных внутривластных интересов государства и лишь потом становился элементом «мягкой силы» во внешней политике.

* * *

Таким образом, концепция «мягкой силы» Дж. Ная нашла применение и в политике современной Турции. Осознание турецкими властями важности и перспективности включения этого инструмента во внешнеполитическую стратегию произошло не сразу, поскольку в первое десятилетие постбиполярного периода перед ними стояли серьезные военные, социально-экономические и политические проблемы. Приход к власти политического игрока нового толка, Партии справедливости и развития, был ознаменован началом глубинных трансформационных процессов. Уделив особое внимание вопросам безопасности государства и его стабильного развития, лидеры партии не обошли стороной и проблему переосмысления положения и восприятия Турции на международной арене. За годы правления ПСР произошло оформление уникальной, характерной именно для турецкого государства внешнеполитической идеологии и линии поведения. Власти, поставив цель превратить страну в регионального, а потом — и в глобального лидера, опирались на ее особое географическое положение и культурно-историческое наследие. Последовавшее за реформами «вос-

---

serialy-odna-iz-prichin-po-kotoroy-egiptyane-nachali-izuchat-tureckiy-yazyk.html (дата обращения: 13.09.2014).

⁶⁵ Т.С. Başbakanlık Kamu Diplomasi Koordinatörlüğü. Türkiye'nin dizi film ihracati 200 milyon dolara ulaştı. Available at: <http://kdk.gov.tr/haber/turkiyenin-dizi-film-ihracati-200-milyon-dolara-ulasti/362> (accessed: 14.01.2015).

⁶⁶ Türkiye İstatistik Kurumu. Turizm İstatistikleri, IV. Çeyrek: Ekim-Aralık ve Yıllık, 2014. Available at: <http://www.tuik.gov.tr/PreHaberBultenleri.do?id=18665> (accessed: 03.02.2015).

хождение» Турции объяснялось тем, что, обеспечив себя материальной базой, страна получила возможность реализации своего интеллектуального, дипломатического и ресурсного потенциала. Добиваясь складывания нужного ей восприятия в общественном сознании других государств, ПСР включила во внешнеполитическую стратегию старые, оформившиеся еще до ее правления инструменты «мягкой силы» и совместила их с теми, которые нашли применение уже в новом тысячелетии. Прибегая к «мягким» внешнеполитическим методам и сочетая их с военно-политическим и экономическим инструментарием, Турция сумела превратиться в авторитетного международного игрока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аватков В.А., Бадранов А.Ш. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России // Право и управление. XXI. 2013. № 2 (27). С. 5–11.
2. Аватков В.А., Чулковская Е.Е. Центры турецкой культуры имени Юнуса Эмре — «мягкая сила» Турции // Геополитика и безопасность. 2013. № 2 (22). С. 116–123.
3. Акбаш З., Туна Х. Бир дыш политика араджы оларак йумушак гюджун туризм сектёрюне эткиси: Тюркийе орнеги узеринден бир дегерлеме [«Мягкая сила» как инструмент внешней политики и ее воздействие на сектор туризма: оценка на примере Турции] // Финанс Политик ве Экономик Йорумлар. 2012. Т. 49. № 571. С. 5–17. (На тур. яз.)
4. Байрактар З. Тюркийе'нин Балканлар'даки йумушак гюджу тюрк кюльтюрю [Турецкая культура как «мягкая сила» Турции на Балканах] // Карадениз Араштырмалар. 2012. № 35. С. 181–189. (На тур. яз.)
5. Быков О.Н. Национальные интересы и внешняя политика. М.: ИМЭМО РАН, 2010.
6. Давутоглу А. Стратежик деринлик. Тюркийе'нин улусларарасы конуму [Стратегическая глубина. Международное положение Турции]. Стамбул: Кюре Йайынлары, 2012. (На тур. яз.)
7. Йешилъташ М., Балджы А. АК Парти дёнеми дыш политикасы сёзлюгю: каврамсал бир харита [Словарь по внешней политике Партии справедливости и развития: концептуальная карта] // Билги Дергиси. 2011. Зима (23). С. 9–34. (На тур. яз.)
8. Карагюль С. Тюркийе'нин Балканлар'даки «йумушак гюдж» перспектифи: Тюрк Ишбирлиги ве Кординасийон Ажансы [Перспективы «мягкой силы» Турции на Балканах: Турецкое агенство по сотрудничеству и развитию] // Гиришимджилик ве Калкынма Дергиси. 2013. № 8:1. С. 79–102. (На тур. яз.)
9. Киришци К. «Йумушак гюдж» араджы оларак даха достджа бир Шенген визе системи: Тюркийе'нин денеями [Более благоприятная Шенгенская визовая система: опыт Турции] // Улусларарасы Илишкилер. 2007. Т. 4. № 13. Весна. С. 27–56. (На тур. яз.)
10. Мосаки Н.З. Образовательная экспансия Турции в Африке // Вопросы образования. 2013. № 2. С. 49–66.

11. Сафонкина Е.А. Турция как новый актер политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 145–167.
12. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4. С. 85–93.
13. Турция в условиях новых внутренних и внешних реалий / Отв. ред. Н.Ю. Ульянов, Е.И. Уразова. М.: ИБВ ИВ РАН, 2010.
14. Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г. / Отв. ред. А.В. Болдырев, Н.Ю. Ульянов. М.: ИБВ ИВ РАН, 2008.
15. Турция: новая роль в современном мире. М.: ЦСА РАН, 2012.
16. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
17. Цавуш Т. Дыш политика йумушак гюдж каврамы ве Тюркийе'нин йумушак гюдж кулланымы [Концепция «мягкой силы» во внешней политике и применение Турцией «мягкой силы»] // Кахраманмараш Сютчу Имам Иктисади ве Идари Билимлер Дергиси. 2012. № 2 (2). С. 23–37. (На тур. яз.)
18. Эрдоган Р.Т. Кюресел барыш визиону [Видение глобального мира]. Стамбул: Меденийетлер Иттифақы Йайынлары, 2012. (На тур. яз.)
19. Aliyev F. The Gülen movement in Azerbaijan // Current Trends in Islamist Ideology. 2013. Vol. 14. P. 90–103.
20. Altınay H. Turkey's Soft Power: an unpolished gem or an elusive mirage? // Insight Turkey. 2008. Vol. 10. No. 2. P. 55–66.
21. Altunışık M.B. The possibilities and limits of Turkey's Soft Power in the Middle East // Insight Turkey. 2008. Vol. 10. No. 2. P. 41–54.
22. Bağcı H. The role of Turkey as a new player in the G20 system // G20: perceptions and perspectives for global governance. Singapore: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2011.
23. Bal I. The Turkish model and the Turkic Republics // Perceptions, Journal of International Affairs. 1998. Vol. 3. No. 3. September–November. P. 1–17.
24. Beng P.K. Turkey's Potential as a Soft Power: A Call for Conceptual Clarity // Insight Turkey. 2008. Vol. 10. No. 2. P. 21–40.
25. Bilgin P., Eliş B. Hard Power, Soft Power: toward a more realistic power analysis // Insight Turkey. 2008. Vol. 10. No. 2. P. 5–20.
26. Bradford C.I., Linn J.F. The G-20 summit — its significance for the World and for Turkey // International Economic Issues. 2009. March. P. 56–68.
27. Çandar C. Turkey's 'Soft Power' strategy: a new vision for a multi-polar World // SETA. Policy Brief, no. 38. December, 2009.
28. Davutoğlu A. Turkey's foreign policy vision: an assessment of 2007 // Insight Turkey. 2008. Vol. 10. No. 1. P. 77–96.
29. Dealing with a rising power: Turkey's transformation and its implications for the EU / Ed. by S. Cornell, G. Knaus, M. Scheich. Brussels: Centre for European Studies, 2012.
30. Gözaydın İ. Religion as Soft Power in the international relations of Turkey // Political Studies Association. IPSA Paper. 2010.
31. Kalın İ. Soft Power and public diplomacy in Turkey // Perceptions. 2011. Vol. XVI. No. 3. P. 5–23.

32. Keyman E.F., Sazak O. Turkish foreign policy in the transatlantic context: from soft power to smart power // Strategic Research Center. 2012. Spring-Summer. P. 1–17.
33. Kirişçi K., Tocci N., Walker J. A neighborhood rediscovered: Turkey's transatlantic value in the Middle East. Brussels Forum Working Paper, Washington: The German Marshall Fund of the United States, 2010.
34. Larrabee F.S., Lesser I.O. Turkish foreign policy in an age of uncertainty. CA: Rand Corporation, 2003.
35. Mihalakopoulos G. The Greek audience 'discovers' the Turkish soap-series: Turkey's 'soft power' and the psyche of Greeks // Tsianikas M., Maadad N., Couvalis G., Palaktoglou M. Greek research in Australia: proceedings of the biennial international conference of Greek studies, Flinders University, June 2011. Flinders University Department of Language Studies — Modern Greek. 2013. P. 179–190.
36. Mufti M. A little America: The emergence of Turkish hegemony // Middle East Brief, no. 51. May, 2011.
37. Nye J.S. Bound to lead: the changing nature of American power. New York: Basic Books, 1990.
38. Nye J.S. Soft power. The means to succeed in world politics. New York: Public Affairs, 2004.
39. Oğuzlu T. The Gezi park protests and its impacts on Turkey's soft power abroad // Ortadoğu Analiz. July 2013. Vol. 5. No. 55. P. 10–15.
40. Oğuzlu T. Soft power in Turkish foreign policy // Australian Journal of International Affairs. 2007. Vol. 61. No. 1. P. 81–97.
41. Öktem K. Between soft power and normative intervention // Bösnisch, türkisch, deutsch oder... Hohenheim. 15–16 November, 2013.
42. Öner S. Soft Power in Turkish foreign policy: new instruments and challenges // Euxeinos. 2013. No. 10. P. 7–15.
43. Öniş Z. Multiple faces of the 'new' Turkish foreign policy: underlying dynamics and a critique // Insight Turkey. 2011. Vol. 13. No. 1. P. 47–65.
44. Rubin L. A typology of soft powers in Middle East politics // The Dubai Initiative. Working Paper, no. 5. Dubai: Dubai School of Government, 2010.
45. Salmoni B.A. Strategic partners or estranged allies: Turkey, the United States and operation Iraqi Freedom // Strategic Insights. July 2003. Vol. 2. Issue 7. Available at: <http://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/11310/middleEast.pdf?sequence=1> (accessed: 28.07.2013).
46. Selçuk O. Turkish Airlines: Turkey's soft power tool in the Middle East // The Academic Journal of the Middle East / Akademik Orta Doğu. 2013. No. 14. P. 175–199.
47. Turkey and the Middle East: ambitions and constraints // International Crisis Group. Europe Report no. 203. April 7, 2010.
48. Yalçın H.B. The concept of 'middle power' and the recent Turkish foreign policy activism // Afro Eurasian Studies. 2012. Vol. 1. Issue 1. Spring. P. 195–213.
49. Yörük Z., Vatikiotis P. soft power or illusion of hegemony: the case of the Turkish soap opera 'Colonialism' // International Journal of Communication. 2013. No. 7. P. 2361–2385.

‘SOFT POWER’ IN FOREIGN POLICY OF MODERN TURKEY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

George Nye’s concept of ‘soft power’ has been applied in the modern Turkish Republic’s foreign policy strategy. The article attempts to analyze the conceptual framework of Turkish ‘soft power’. In its first part the author reflects on the causes of Turkish authorities’ address to ‘non-rigid’ foreign policy methods in the context of internal and external changes that occurred in the new millennium, and describes the main components of Turkey’s potential in the projection of its ‘soft’ power. In the second part of the paper there is an overview of the most effective tools of Turkish state’s ‘soft’ influence and the main directions of their application. The author concludes that the ruling Justice and Development Party has managed to optimally combine both ‘old’ and ‘new’ leverages to impact on other participants of international relations. The combination of military, political, economic and cultural potential with the modern Turkey’s ‘soft’ tools has given the country an opportunity to claim to the role of influential regional and global actor.

Key words: ‘soft power’, Turkey, Justice and Development Party, Turkish foreign policy, leadership, foreign policy ideology, ‘rising power’, ‘zero problems’ policy, ‘strategic depth’ concept.

About the author: *Altunay I. Aliyeva* — PhD Candidate at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: alieva_altunay@mail.ru).

REFERENCES

1. Avatkov V.A., Badranov A.Sh. 2013. ‘Myagkaya sila’ Turtsii vo vnutrenney politike Rossii [Turkey’s ‘soft power’ in Russia’s domestic policy]. *Pravo i Upravleniye*. XXI, no. 2 (27), pp. 5–11. (In Russ.)
2. Avatkov V.A., Chulkovskaya E.E. 2013. Tsenry turetskoy kul’tury imeni Yunusa Emre [Yunus Emre centers of Turkish culture]. *Geopolitika i bezopasnost’*, no. 2 (22), pp. 116–123. (In Russ.)
3. Akbaş Z., Tuna H. 2012. Bir dysh politika arachy olarak yumushak gyuchyun turizm sektoryune etkisi: Turkiye ornegi uzerinden bir degerleme [Soft Power as a foreign policy instrument and its impact on turizm sector: an assesment of Turkey]. *Finans Politik & Ekonomik Yorumlar*, vol. 49, no. 571. pp. 5–17. (In Turkish.)
4. Bayraktar Z. 2012. Turkiye’nin Balkanlar’daki yumushak gyuchyu turk kulturu [Turkish culture as Turkey’s soft power in the Balkans]. *Karadeniz Arashtyrmalar*, no. 35, Autumn, pp. 181–189. (In Turkish.)
5. Bykov O.N. 2010. *Natsional’nye interesy i vneshn’aya politika* [National interests and foreign policy]. Moscow, IMEMO RAN. (In Russ.)

6. Davutoğlu A. 2012. *Stratejik derinlik: Türkiye'nin uluslararası konumu* [The strategic depth: Turkey's international position]. İstanbul, Kyure Yayınları. (In Turkish.)

7. Yeşiltaş M., Balcı A. 2011. AK Parti dönemi dış politikası sözlüğü: kavramsal bir harita [The dictionary for foreign policy of AK Party: a conceptual map]. *Bilgi Dergisi*, no. 23, Winter, pp. 9–34. (In Turkish.)

8. Karagül S. 2013. Türkiye'nin Balkanlar'daki 'yumuşak güç' perspektifi: Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı [The prospects of Turkey's 'soft power' in the Balkans: Turkish cooperation and coordination agency]. *Girishimlilik ve Kalkınma Dergisi*, no. 8:1, pp. 79–102. (In Turkish.)

9. Kirişçi K. 2007. 'Yumuşak güç' aracı olarak daha dostça bir Şengen vize sistemi: Türkiye'nin deneyimi [The more friendly Schengen visa system as an instrument of 'soft power': the case of Turkey]. *Uluslararası İlişkiler*, vol. 4, no. 13, Spring, pp. 27–56. (In Turkish.)

10. Mosaki N.Z. 2013. Образовательная экспансия Турции в Африке [Turkey's educational expansion in Africa]. *Voprosy obrazovaniya*, no. 2, pp. 49–66. (In Russ.)

11. Safonkina E.A. 2014. Turtsiya kak noviy aktor politiki 'myagkoy sily' [Turkey as a new actor of 'soft power' policy]. *Vestnik mezhdnarnykh organizatsiy*, vol. 9, no. 2, pp. 145–167. (In Russ.)

12. Torkunov A.V. 2012. Obrazovaniye kak instrument 'myagkoy sily' vo vneshney politike Rossii [The education as an instrument of 'soft power' in foreign policy of Russia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 4, pp. 85–93. (In Russ.)

13. Ulchenko N.U., Urazova E.I. (eds.). 2010. *Turtsiya v usloviyakh novykh vnutrennikh i vneshnikh realiy* [Turkey in the context of new inner and external realities]. Moscow, IBV IV RAN. (In Russ.)

14. Boldyrev A.V., Ulchenko N.U. (eds.). 2008. *Turtsiya nakanune i posle parlamentskikh vyborov 2007 g.* [Turkey before and after the parliamentary and presidential elections of 2007]. Moscow, IBV IV RAN. (In Russ.)

15. *Turtsiya: novaya rol' v sovremennom mire* [Turkey: the new role in a modern world]. 2012. Moscow, CSA RAN. (In Russ.)

16. Huntington S. 1996. *The clash of civilizations and the remaking of world order*. New York, Simon & Schuster. S. [Russ. ed.: Khantington S. 2003. *Stolknoveniye tsivilizatsiy*. Moscow, AST Publ.].

17. Çavuş T. 2012. Dış politikada yumuşak güç kavramı ve Türkiye'nin yumuşak güç kullanımı [The concept of 'Soft Power' in foreign policy and Turkey's use of Soft Power]. *Kahramanmaraş Sıtkı İsmail Üniwersitesi İktisadi ve İdari Bilimler Dergisi*, vol. 2, no. 2, pp. 23–37. (In Turkish.)

18. Erdoğan R.T. 2012. *Kyuresel barysh vizyonu* [The Global peace vision]. İstanbul, Medeniyetler İttifakı Yayınları. (In Turkish.)

19. Aliyev F. 2013. The Gülen Movement in Azerbaijan. *Current Trends in Islamist Ideology*, vol. 14, pp. 90–103.

20. Altınay H. 2008. Turkey's soft power: an unpolished gem or an elusive mirage? *Insight Turkey*, vol. 10, no. 2, pp. 55–66.

21. Altunışık M.B. 2008. The possibilities and limits of Turkey's soft power in the Middle East. *Insight Turkey*, vol. 10, no. 2, pp. 41–54.

22. Bağcı H. 2011. The role of Turkey as a new player in the G20 system. In Hofmeister W. (ed.). *G20: Perceptions and Perspectives for Global Governance*. Singapore: Konrad-Adenauer-Stiftung.
23. Bal I. 1998. The Turkish model and the Turkic Republics. *Perceptions*, vol. 3, no. 3, September–November, pp. 1–17.
24. Beng P.K. 2008. Turkey's potential as a soft power: a call for conceptual clarity. *Insight Turkey*, vol. 10, no. 2, pp. 21–40.
25. Bilgin P., Eliş B. 2008. Hard power, soft power: toward a more realistic power analysis. *Insight Turkey*, vol. 10, no. 2, pp. 5–20.
26. Bradford C.I., Linn J.F. 2009. The G-20 summit — its significance for the world and for Turkey. *International Economic Issues*, March, pp. 56–68.
27. Çandar C. 2009. *Turkey's 'soft power' strategy: a new vision for a multipolar world*. SETA. Policy Brief, no. 38. December.
28. Davutoğlu A. 2008. Turkey's foreign policy vision: an assessment of 2007. *Insight Turkey*, vol. 10, no. 1, pp. 77–96.
29. Cornell S., Knaus G., Scheich M. (eds.). 2012. *Dealing with a rising power: Turkey's transformation and its implications for the EU*. Brussels, Centre for European Studies.
30. Gözaydın İ. 2010. *Religion as Soft Power in the international relations of Turkey*. IPSA Paper. Political Studies Association.
31. Kalın İ. 2011. Soft power and public diplomacy in Turkey. *Perceptions*, vol. XVI, no. 3, Autumn, pp. 5–23.
32. Keyman E.F., Sazak O. 2012. Turkish foreign policy in the transatlantic context: from Soft Power to Smart Power. *Strategic Research Center*, Spring-Summer, pp. 1–17.
33. Kirişci K., Tocci N., Walker J. 2010. *A neighborhood rediscovered: Turkey's transatlantic value in the Middle East*. Brussels Forum Working Paper, Washington: The German Marshall Fund of the United States.
34. Larrabee F.S., Lesser I.O. 2003. *Turkish foreign policy in an age of uncertainty*. CA, Rand Corporation.
35. Mihalakopoulos G. 2013. The Greek audience 'discovers' the Turkish soap-series: Turkey's 'soft power' and the psyche of Greeks. In Tsianikas M., Maadad N., Couvalis G., Palaktoglou M. (eds.). *Greek research in Australia: proceedings of the biennial international conference of Greek studies, Flinders Uni. June 2011*. Flinders University Department of Language Studies — Modern Greek, pp. 179–190.
36. Mufti M. 2011. *A little America: the emergence of Turkish hegemony*. Middle East Brief, no. 51. May.
37. Nye J.S. 1990. *Bound to lead: The changing nature of American power*. New York, Basic Books.
38. Nye J.S. 2004. *Soft power. The means to succeed in world politics*. New York, Public Affairs.
39. Oğuzlu T. 2007. Soft power in Turkish foreign policy. *Australian Journal of International Affairs*, vol. 61, no. 1, pp. 81–97.
40. Oğuzlu T. 2013. The Gezi Park protests and its impacts on Turkey's soft power abroad. *Ortodogu Analiz*, July, vol. 5, no. 55, pp. 10–15.

41. Öktem K. 2013. *Between soft power and normative intervention*. Bösnisch, türkisch, deutsch oder... Hohenheim. 15–16 November.
42. Öner S. 2013. Soft Power in Turkish foreign policy: new instruments and challenges. *Euxeinos*, no. 10, pp. 7–15.
43. Öniş Z. 2011. Multiple faces of the ‘new’ Turkish foreign policy: underlying dynamics and a critique. *Insight Turkey*, vol. 13, no. 1, pp. 47–65.
44. Rubin L. 2010. *A typology of soft powers in Middle East politics*. The Dubai Initiative. Working Paper no. 5. Dubai, Dubai School of Government.
45. Salmoni B.A. 2003. Strategic partners or estranged allies: Turkey, the United States and operation Iraqi Freedom. *Strategic Insights*, vol. 2, issue 7. Available at: <http://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/11310/middleEast.pdf?sequence=1> (accessed: 28.07.2013).
46. Şelçuk O. 2013. Turkish Airlines: Turkey’s soft power tool in the Middle East. *The Academic Journal of the Middle East / Akademik Orta Dogu*, no. 14, pp. 175–199.
47. *Turkey and the Middle East: ambitions and constraints*. International Crisis Group. Europe Report no. 203. April 7, 2010.
48. Yalçın H.B. 2012. The concept of ‘middle power’ and the recent Turkish foreign policy activism. *Afro Eurasian Studies*, vol. 1, issue 1, Spring, pp. 195–213.
49. Yörük Z., Vatikiotis P. 2013. Soft power or illusion of hegemony: the case of the Turkish soap opera ‘Colonialism’. *International Journal of Communication*, no. 7, pp. 2361–2385.